

№ 5

ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА ГОРОДА ШАРЬИ

ЖЕНЩИНА

СУББОТА, 15 ФЕВРАЛЯ
2003 ГОДА

"Моисей же взял и поставил себе шатер вне стана, вдали от стана, и назвал его скинию собрания; и каждый, ищущий Господа, приходил в скинию собрания, находившуюся вне стана."

(Исх. 33:7)

По благословию Александра, архиепископа Костромского и Галичского

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Сретение

В сретении Господа окружают, с одной стороны, праведность, чающая спасение не в себе, – Симеон, и строгая в посте и в молитвах жизнь, оживляемая верой, – Анна; с другой – чистота существенная, всесторонняя и непоколебимая – Дева Богоматерь, и смиренная, молчаливая покорность и преданность воле Божией – Иосиф Обручник. Перенеси все эти духовные настроения в сердце свое и сретись Господа не приносимого, а Самого грядущего к тебе, воспримешь Его в объятия сердца, и воспоешь песнь, которая пройдет небеса и возвеселит всех Ангелов и святых (Лк. 2: 22-40).

Святитель
Феофан Затворник

Храм Иерусалимский. Притвор. Задняя часть его занята столиками торговцев. Это продавцы голубей и жертвенных животных. Недалеко от входа стоит высокий седой старец. Его глаза, полные какого-то восторженного ожидания, направлены ко входу. «Ныне отпускаеши...» – шепчут старческие уста. Иногда он обращается с речью к стоящей рядом с ним старице, и та слушает его с радостным, страстным вниманием. «Осанна Сыну Давидову».

В это время на пороге показалась молодая Женщина, с дивным, полным удивительно женственной прелести, спокойным и светлым лицом молодой Матери. На Ее руках покоился Младенец. Она подошла к столам торгующих голубями и купила обычную «жертву бедных» – два молодых голубя. Такая жертва полагалась законом в сороковой день по рождении ребенка-мальчика.

Со Своей жертвой молодая Женщина отошла на место, где стояли жены, требующие очищения, и со смиренной молитвой ждали Своей очереди, чтобы передать Ребенка священнику для возношения перед Богом.

Но вот, к удивлению всех, сам архиерей подошел к Женщине и поставил Ее с Ребенком на месте девиц. Книжники негодовали, но первосвященник властно остановил их: «Молчите, такова воля Божия. Здесь тайна, которую не понимаю и я. Эта Женщина –

Дева Чистая». Книжники смолкли: больше, чем речь первосвященника, их остановило необычайное величие Матери и Ребенка, которое они тайно ощущали с недоумением и страхом. Лица Матери и Младенца сияли внутренним светом Божественного озарения. Этот свет, видимый для всех, был ясен, как откровение для чистых сердцем. Здесь, в храме, были два человека, достойных зреть Бога, и они Его увидели. Это были старец и старица – святой Симеон и святая Анна, которые в радостной тревоге ждали здесь чего-то великого. Старец подошел к Женщине и взял у Нее Ребенка, хваля Бога и вместе с тем прощаясь с миром. *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля* (Лк. 2: 22-40).

«Господи, я видел – теперь прими меня к Себе». Потом Симеон обратился к Матери со скорбной пророческой речью: «Для многих будет Сын Твой причиной осуждения и гибели – и Он спасет мир. А Тебя ждет скорь многая, она, как меч, пронзит сердце Твое, но радуйся: Он спасет мир».

В это время святая Анна громко пророчествовала о Боге, явившемся всем, кто был в храме. И уже здесь, в эту минуту, демон зависти и зло-

22 А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа,

23 как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужского пола, разрезающий ложесна, был посвящен Господу,

24 и чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных.

25 Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем.

26 Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня.

27 И пришел он по вдохновению в храм. И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд,

28 он взял Его на руки, благословил Бога и сказал:

29 Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром,

30 ибо видели очи мои спасение Твое,

31 которое Ты уготовал пред лицем всех народов,

32 свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля.

33 Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нем.

34 И благословил их Симеон и сказал Марии, Матери Его: се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, -

35 и Тебе Самой оружие пройдет душу, - да откроются помышления многих сердец.

36 Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от девства своего семь лет,

37 вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь.

38 И она в то время, подойдя, славилу Господа и говорила о Нем всем, ожидавшим избавления в Иерусалиме.

39 И когда они совершили все по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет.

40 Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем.

(Евангелие от Луки 2 глава)

бы проник в сердца книжников и не с радостью, а со злобой встретили они это первое «благостие» всем людям о Боге родившемся. И уже в это время слышались голоса: здесь нарушают законы, Мать принимают как Деву. И они не хотели знать, что здесь было только величайшее уважение к закону и послушание ему Самого Господина закона.

И. Михаил

«Адония же, боясь Соломона, встал и пошел, и ухватился за роги жертвенника».

(3 Цар. 1:50)

«Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в доме Давида, отрока Своего».

(Лук. 1:68-69)

РОГ СПАСЕНИЯ

Место встречи с Богом

остаётся неизменным

У каждого из нас есть знакомые и даже родные люди, которые с недоумением смотрят на наши сборы в храм. На их лицах написано глубокое непонимание, а порой и возмущение. Иногда оно изливается в слова: «Ну ладно, ударился ты в веру, пусть уж. Но зачем же в храм-то ходить, столько времени и сил на это тратить? Вот я, к примеру, тоже верующая. Но я верю в душе. Бог у меня в душе, и мне не нужны никакие внешние ритуалы. Да вспомним, как недавно сатирик Михаил Задорнов сказал: «Для общения с Богом мне не нужны никакие посредники!»

Как объяснить таким людям наше поведение?

Действительно, зачем мы ходим в храм? Послушать проповедь? Для этого сегодня можно включить радиоприемник. Помолиться? Молиться можно везде и во всякий час. Более того, таков именно совет апостола: «Непрестанно молитесь». Принести пожертвование? Сегодня сборщиков много и на улицах.

Подать поминальную записку? Ее можно передать со знакомыми. Поставить свечку? Так ее можно поставить и перед домашним образом. Так зачем же мы хотим в храм?

Более того, некоторые люди говорят, что если они хотят помолиться, то они уходят в лес. К речке или к морю, и там, в Богозданном храме, им легче ощутить величие Творца и восславить Его. Зачем же, говорят они, нам из бескрайнего храма заходить под тесные своды храма рукотворного?

Чтобы понять это, давайте на минуту выйдем за пределы христианского храма и вспомним, что важнейшая проблема языческих религий — это вопрос о том, какие жертвы люди должны приносить богам. Когда надо приносить жертву. Кто должен их приносить. В чем должна состоять эта жертва. По какому ритуалу она должна быть принесена. Какому из многочисленных богов... Об этом говорят книги, изъясняющие языческие церемонии...

Но в Евангелии мы видим нечто противоположное. Если язычники говорят о том, какую жертву люди должны принести Богу, то Евангелие говорит о том, какую жертву Бог принес людям: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать

душу Свою для искупления многих», «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Понимаете, Бог Библии настолько превышает всю Вселенную, что не может быть и речи о том, что Он слабеет при творении мира. Да, Бог Своей силой, Своей энергией поддерживает существование космоса. Но Его бесконечная мощь от этого нисколько не убывает. А потому и не нуждается в восполнении со стороны людей.

Поэтому библейские жертвоприношения нужны не Богу, а людям. Люди просто должны научиться быть благородными. Люди должны научиться хотя бы часть своей жизни, своего имущества и своего времени (вспомните заповедь о субботе) уметь отставлять от себя и предлагать пред лице Господне. Не потому, что Богу нужна эта уделенная Ему часть, а потому, что люди тем самым учатся жертвенной любви.

Лишь на десятую или сотую часть религия состоит из того, что в нее вносят люди. Главное в религии то, что привносит в нее Бог. Главное не то, что люди делают ради Бога, но то, что Бог делает ради людей.

Главное в религии не то, что люди приносят в храм, а то, что они износят из храма.

Для того чтобы христианин мог принести жертву Богу, он не нуждается в храме. Но в религии есть не только то, что мы даем. Важнее то, что мы получаем. *Важно не то, зачем мы ищем Бога. Важнее то, зачем Он ищет нас.*

Зачем мы чаще всего приходим в храм и обращаемся с мольбой к Богу — хорошо известно. Мы склонны в Боге видеть этаким генератор гуманитарной помощи: «Дай, Господи, нам побольше здоровья, побольше успеха и прибавки к зарплате!» Слишком часто мы ищем Господа, по присловью святителя Димитрия Ростовского, — «не ради Иисуса, а ради хлеба куса». А вот зачем Бог ищет нас? Он хочет у нас что-то забрать? Или дать?

Зачем призывает Его Слово: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные»?.. Нет у этого призыва продолжения вроде: «И вы отдадите Мне то-то...» Иным предвидением кончается это приглашение; оно говорит о том, что Бог делает ради отозвавшихся: «И Я упокою вас... найдете покой душам вашим».

Итак, Бог зовет нас к Себе, чтобы что-то вручить нам. Что же? Знание — «научитесь от Мене»... Дух — «Приимите от Духа Моего»... Любовь, мир и радость — «Пребудьте в любви Моей... Мир Мой даю вам... Радость Моя в вас да будет...»

Но Христос дает нам и еще нечто немислимое... «Пребудьте во Мне, и Я в вас... примите, сие есть кровь Моя за вас изливаемая...» *Всего Себя Христос повергает лю-*

..Сейчас у меня у самой внуки, но и теперь я с любовью и признательностью вспоминаю свою бабушку, которой не стало в далеком 1944 году. Она меня с малых лет приучала к честной работе и к вере в Бога. Летом, когда ходили в лес за дровами или по ягоды, на прополку огорода — мы с ней всегда молились. Она говорила, что природа — самый большой и прекрасный храм, где можно уединиться и излить Богу свою душу.

Вот и я, хотя и крещена в православии, так и не приучилась бывать в храме. А зачем, если Бог у меня в душе? Молюсь я не каждый день, но есть такие моменты, когда без этого просто невозможно обойтись. Зимой люблю молиться под звездным небом. В эти минуты у меня такое ощущение, что я стою на самой высокой точке Земли — и Небо совсем рядышком. Во время такого общения с Богом и Пресвятой Богородицей я переживаю глубокую духовную радость. Правда, молитв знаю мало. Я просто говорю с Богом обо всем, что беспокоит меня, — о детях и внуках, о нашей России, о наших военных и моряках. Прошу у Бога для всех мира и лада.

При всем при этом нередко задаюсь вопросом: почему же сотни и тысячи людей вокруг меня считают своим долгом аккуратно посещать храм? Думаю, не для меня одной было бы полезно получить ответ на этот вопрос.

Екатерина Г.

Зачем ходят в храм?

дам. И Свою божественность, и Свою человечность.

В современной медицине есть такая процедура: человеку делается переливание его же собственной крови. Из его тела выводится кровь, она очищается от каких-то вредных примесей или, напротив, обогащается теми компонентами, которые организм больного уже не может сам вырабатывать в необходимом количестве. И такая, обеззараженная и обогащенная, кровь тут же вливается обратно в тело человека.

Нечто подобное происходит и в наших отношениях со Христом. Бог становится человеком. Он берет в Себя наше естество, впавшее в состояние тления, в Себе его исцеляет, насыщает Божественностью, Вечностью, Бессмертием, и Свое человеческое Тело, уже прошедшее через смерть и воскресшее, возвращает нам. Свою человеческую кровь, насыщенную Божественными токами, Он вливает в нас, чтобы мы в себе носили зачаток Воскресения и были причастниками Вечности.

Итак, в храм мы приходим для того, чтобы нечто в нем получить. Храм — это стены, выстроенные вокруг Таинства Причастия. Таинство же состоит в том, что к людям протянута рука с Дарами. Поэтому посещение храма — не тяжкая повинность, а дивная привилегия. Нам дано право стать соучастниками Тайной Вечери. Нам дана

возможность стать «причастниками Божеского естества». Нам дана возможность прикоснуться к той Энергии, которую не в силах вырабатывать ни одна электростанция в мире.

Христос сказал, где Он нас ждет и что желает нам дать. Он, Вечный, желает с нами встретиться и соединиться в этой жизни для того, чтобы в будущей, вечной нашей жизни мы не стали непоправимо одиноки.

Так вежливо ли, получив уведомление о том, что кто-то нас ждет на площади Пушкина, в назначенное время отправляться на прогулку по улице Льва Толстого? Если встреча не состоялась — кто в таком случае будет виноват?... Знамо дело — «Пушкин»!

Бог искал нас. И нашел. Нам же просто надо пойти и встать в такое место, где Бог ближе всего подходит к людям, в такое место, где Он самые небывалые дары раздает людям. Если Чашу с причастием Христос подает нам через Царские врата храма — стоит ли нам отворачивать нос и твердить: «Бог у меня и так в душе»?

Вера — это действие. Это стремление к тому, что уже предчувствуется, но еще не стало очевидностью. Стремление к тому, что уже прикоснулось к нашей жизни, бросило в нее свой отблеск, но еще не вошло в нее всецело... Вера — это желание нового опыта. Поэтому человеку, утверждающему, что Бог у

него в душе, стоит спросить себя, что он сделал для того, чтобы очистить свою душу для столь дивного посещения? Как и каким именем он позвал Его? Как он хранит Его в себе? Что изменилось в нем от этой Встречи? Полюбил ли он Того, Кого встретил? И что он делает ради этой любви?

Если эти вопросы повергают вас в недоуменное молчание — так хотя бы не считайте себя превзошедшими тех, кто хоть что-то делает для того, чтобы пребывать с Богом! Не презирайте идущих, даже если те спотыкаются!

Те, кто говорит, что им не нужны посредники в их отношениях с Богом, не понимают, что в храме их ждет Тот Посредник, Который вместо них как раз и принес жертву и освободил людей от необходимости что-то разрушать в мире и плодами разрушений подкармливать божков. Неужели же так невыносимо трудно раскрыть свои руки для того, чтобы в них можно было вложить Дары?

Диакон
Андрей КУРАЕВ

«Чтобы ... ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога Живаго».

(I Тим. 3:15)

«Поднимусь к высокому подножию И, опять познав блаженное родство, Подойду я к жертвеннику Божию, К солнцу воли и веселья моего.»

С. Липкин.

ДОРОГА К ХРАМУ

ВЕЧЕР В ХРАМЕ

Для того, кто хочет накануне воскресной Литургии подготовиться к ней молитвой, двери храма, по крайней мере в городах, вечером открыты. Прошла неделя с ее заботами и трудами, печалью и радостями; настал час оглянуться назад, собраться с мыслями, побыть в сосредоточенности перед лицом Божиим, испытать совесть, углубиться в размышление и молитву.

Вечернее время сама Библия рекомендует как «благоприятное» для молитвенного состояния. На ветхозаветном алтаре приносилась жертва, а служители при заходе солнца зажигали светильники – знак души, горящей огнем веры (Исх.30,8). После разрушения Храма этот обычай остался в домашней молитве иудеев и был усвоен новозаветной Церковью. Когда зажигали свечи или лампы, в христианских домах читалось «светильничное благодарение».

Так было положено начало церковной *вечерни*. Ее последование посвящалось Христу как «Свету мира». Вечерня состояла из библейских псалмов и трех гимнов древней Церкви. В общих чертах такой порядок удержался до наших дней.

ВЕЧЕРНЯ

В конце XVIII века русский архиепископ Вениамин (Руковский-Краснопевков) обратил внимание на то, что структуру вечерни можно рассматривать в свете Истории Спасения – от создания мира до явления Христа. И в самом деле, вечерня начинается 103 псалмом, который прославляет Бога-Творца: «Благослови, душе моя, Господа! Господи, Боже мой, возвеличился еси зело...»

Монументальный, торжественный, он всем своим строем как бы передает дыхание природы, ее многообразие. Здесь все: и мировой огонь – служитель Предвечного, и ветры, и горы, и животные в лесах, и, наконец, – человек, выходящий утром «на дело свое»... Основное чувство псалма – благодарность и восхищение души, созерцающей величие тварного мира. Библейский поэт говорит не только о безмерном, подавляющем воображение, его взгляд останавливается и на птицах, гнездящихся в зелени кедров, и на зверьках, скрывающихся среди камней. Он знает, что даже самое неприметное и малое в мире таит великие чудеса: «Вся премудростию сотворил еси!»

Недаром 103 псалом вдохновлял поэтов разных времен и народов. Известно, например, его переложение, написанное Ломоносовым; мотивы этого псалма можно найти в знаменитой оде Державина «Бог» и в Прологе «Фауста».

За обычной вечерней псалом читается, а когда его поют (в извлечениях) накануне воскресного дня или праздника, то открываются царские врата. Служащий обходит весь храм с кадильницей, и храм наполняется благоуханием ладана.

Вслед за тем царские врата закрываются. Архиепископ Вениамин считал это символом Грехопадения, когда между человеком и Богом возникла преграда. Люди, возмечтавшие «быть как боги», оказались во тьме и, осознав свое отступничество, вызывают к Творцу о помощи...

Призывом диакона (или священника): «Миром Господу помолимся!» – открывается *великая ектения*. Это молитва о «мире всего мира», о «соединении всех», о Церкви, о родной стране, о «временах мирных», о плавающих, путешествующих, страждущих, недугующих, плененных, об избавлении «от скорби, гнева и нужды». Заключительный призыв говорит о предании всей нашей жизни Христу Богу.

После того – как ответ на молитву – звучит псалом 1: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых... Яко весть Господь путь праведных и путь нечестивых погибнет». Византийские богословы (в частности, Симеон Солунский) усматривали в псалме указание на Христа как на образ истинной «праведности», а русские тол-

кователи видели в этом моменте вечерни напоминание о Законе Ветхого Завета. Эти два понимания не исключают друг друга. Важно, что, произнося слова псалма и слушая его, верующие каждый раз вновь встают перед выбором пути. Еще в апостольское время проповедь, обращенная к людям, вступающим в Церковь, начиналась словами: «Есть два пути: один – жизни, и один – смерти; велико же различие между обоими путями».

Прежде во время псалмопения люди обычно сидели, поэтому служащий, призывая всех встать для молитвы, говорил: «Паки и паки (еще и еще) миром Господу помолимся!» Этими словами начинается вторая, малая ектения, имеющая всего одно «прошение».

За малой ектенией следуют слова из псалма 140. Они выражают тоску человека о Боге, желание служить Ему от всего сердца. Вместо даров на алтаре он приносит Господу свое молитвенное воздыхание:

Господи, возвах к Тебе, услыши мя... Вои ми гласу моления моего... Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою, воздеяние руку моею – жертва вечерняя.

Вновь совершается каждение всей церкви и поются *стихиры*, гимны, относящиеся к празднику или святому данного дня. Стихиры в субботу завершает «догматик», посвященный тайне явления в мир Богочеловека.

Во время пения «догматика» начинается обряд *входа*, который пришел к нам из Иерусалима и связан с обычаями, существовавшими при храме Гроба Господня. Богомольцы собирались в церковь задолго до начала службы и пели псалмы, гимны и молитвы. Епископ же приходил позже и в торжественной процессии вступал под своды храма. Нечто подобное этому порядку осталось и в нынешнем архиерейском служении. Когда вечерню совершает священник, он выходит северными дверями из алтаря. Перед ним несут свечу (в память о вечернем возжигании светильника), и он становится напротив царских врат. Как только смолкает «догматик», диакон возглаша-

ет: «Премудрость, прости!» – и священнослужитель, благословив молящихся, направляется в алтарь.

В этот момент поют «вечернюю песнь» – один из древнейших христианских гимнов. Он сохранился от эпохи гонений.

Свете тихий святых славы, безсмертного Отца Небесного, Святого Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога. Достойн еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, Живот давая, темже мир Тя славит.

Пока звучит «вечерняя песнь», священник молится, стоя к востоку от престола, рядом с горним местом, где находится «седалище» епископа. Потом следует чтение из Ветхого Завета (*паремии*), которое предваряют стихом из Псалтири (*прокимном*, т. е. «предварителем»). В наше время паремии читаются только под большие праздники, но прокимен после «входа» произносится всегда. Вечерних прокимнов семь – на каждый день недели.

После прокимна и ектении поется вторая песнь древней Церкви: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохраниться нам...» и следует четвертая ектения.

Накануне больших праздников за ней идет *лития* (от греч. «лите» – усердная молитва), обряд, унаследованный от монастырей Палестины и Афона. В древности он состоял из процессии к святыням обители, замененной позднее выходом в притвор (сейчас – в западную часть храма). У святынь молились за живых и усопших, и затем совершалась братская трапеза, перед началом которой освящались хлеб, вино и елей. В современной литии сохранилось только это освящение. Оно напоминает о том, что земная пища посылается нам «Подателем жизни», что даже такой обыденный акт, как подкрепление сил пищей, должен происходить перед лицом Божиим.

Предстоятель произносит молитву:

Господи Иисусе Христе Боже наш, благословивый пять хлебов и пять тысяч насытивый, Сам благослови и хлебы сия, пшеницу, вино и елей; и умножи сия во граде сем и во всем мире Твоем; и вкушающих от них верных освяти. Яко Ты еси благословляя и освящаяй всяческая, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем со безначальным Твоим Отцем и всесвятым и благим и животворящим Твоим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Завершается вечерня стихирами и гимном праведного Симеона, того старца, который, взяв на руки Младенца, сказал:

Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал перед лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израйля (Лк 2,29-32).

Это было одно из песнопений первохристианской церкви Иерусалима и более того: как думают некоторые исследователи, оно сложилось еще накануне Рождества Христова в среде людей, веривших в скорый приход Мессии. «Ныне отпускаешь» – как бы итог ветхозаветной Истории Спасения и благодарственная хвала грядущему Господу.

СОНЕТ

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена, –

Мои сгибаются колени
И голова преклонена;
Зову властительные тени
И их читаю письменна.

В тиши таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
Словам наставников внимать

И, забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
Могучим вздохом их дышать.

А.А.Фет

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен».

(Матф. 13: 20-21)

«Нет во всей России, а может быть, на Земном шаре, никого более коренного по вкусу, по укладу, по организации души, чем костромичи».

П. Флоренский

УКОРЕНЕНИЕ

ВОЗДУХ ВЕЧНОСТИ

Единственная
в своем роде

В один из дней лета 1991 на сессии городского совета должен был решаться вопрос о передаче верующим города Шарья церковного здания- храма святителя и чудотворца Николая. Для того чтобы добиваться положительного решения этого вопроса, по инициативе церковной двадцатки на площади перед горсоветом с раннего утра стал собираться народ. К группе собравшихся подошла пожилая женщина с девочкой лет 12 и обратилась с вопросом к Марии Ивановне Панковой:

– Для чего вы здесь собираетесь, что за сборище у вас такое?

– Сейчас должна начаться сессия, и на этой сессии будет решаться вопрос о возвращении здания музея церковной общине, чтобы здесь в Шарье была восстановлена церковь, бывшая церковь.

– Я из Верхнего Нюрюга. Мне было 13 лет, когда закладывали церковь в Нюрюге; меня мама водила на закладку церкви. Туда съехалось 12 священников. Выкопали яму квадратную с метр глубиной. В яму зашла вода - место там низкое. Притащили пожарную машину и воду откачали. Потом священники долго молились, читали, пели. Поставили сначала один крест посреди этой ямы, потом еще три креста. И затем еще пели-пели-пели... Наконец, яму стали заваливать землей. Вот так закладывали престол Нюрюгской церкви.

По словам Марии Ивановны, церковь строили крестьяне Прудовского, Нюрюгского, Бусыгинского и Матвеевского сельсоветов. В Матвеевском церкви тогда уже не было, и

для участия в богослужениях жителям Матвеевского приходилось преодолевать расстояние около 25 километров в один конец.

В каком же году происходила закладка церкви в Верхнем Нюрюге? Мария Ивановна сообщает, что женщине было на вид 75-77 лет. Следовательно, 13 лет ей было в 1927-1929. Косвенным подтверждением этого вывода может служить то обстоятельство, что сама Мария Ивановна, родившаяся в 1925 в деревне Старково Прудовского сельсовета, была крещена в Михайловце, т.е. в 1925 году церкви в Нюрюге еще не было. Поэтому с достаточной уверенностью можно утверждать, что церковь в деревне Верхний Нюрюг была заложена и затем построена при Советской власти во времена НЭПа. И это в то самое время, когда церкви по всей стране закрывались и осквернялись! Вряд ли можно найти другой подобный пример в истории православной церкви в России, и маленькая деревенная церковь в Верхнем Нюрюге может быть названа единственной в своем роде.

Церковь просуществовала недолго, не более пяти лет, примерно с 1927 по 1932 год. В 1932 нюрюгский священник о. Александр был впервые арестован, и церковь была закрыта. Приблизительно в 1935 он на короткое время возвратился в Верхний Нюрюг, но в церкви уже не служил и был вновь арестован.

В конце 20-х и в начале 30-х годов Нюрюгская церковь была настоящим духовным центром и оставила свой след в духовной истории Костромского края. Неслучайно, именно с посещения Нюрюгской церкви в 1938 году начал свой путь по родной земле персонаж другой удивительной истории, рассказанной Марией Ивановной Панковой.

Таинственный
незнакомец

Шел 1938 год. Осень в том году была теплая. В колхозах

шла уборка; все работали на полях. Ребятишки уже приступили к занятиям в школе. Мой старший брат Михаил ходил в школу, а младший еще нет.

Мама пришла с работы; отца дома не было. Он занимался ремонтом печей по всей округе, даже в Пыщуге печи перекладывал. А может быть, в тот день он выполнял гужевую повинность: колхозников нередко то в Шарью, то в Пыщуг с грузами посылали.

Мы с сестрой учились тогда в Николо-Шангской школе.

Уже темнело. Мама зашивала прохудившуюся одежду у стола, а дети сидели за столом, выполняли домашнее задание. Что-то писали или решали. Младший выучился всему у старшего, умел читать и писать еще до поступления в школу.

Окошко было открыто. Изба у нас была низенькая, старая. У соседнего дома вдруг появился старичок небольшого роста, босиком. Домотканые на нем штанишки, колени худые. Рубаха домотканая, локти тоже худые. Кепчонка серенькая, ситцевая, не первой свежести. В руке корзиночка лубяная, с полведерка такая. Что-то лежит в ней, может, кусочек хлеба или еще что.

На продольной стене дома окошко было, оно было открыто. Старичок подошел к этому окошку и говорит маме:

– Здорово, землячка!

Она посмотрела на него, но не признала:

– Что за землячка? Какая я вам землячка?

– Да кто вы?

– Ты ведь, меня хорошо знала!

– Нет, я не узнала, кто ты.

– А Ивана-то Белорукова знала ведь ты.

А Иван Белоруков был священником в Шанге. Мама моя из Талицы. Когда она еще девочкой была, ходила на похороны этого Ивана Белорукова.

Тут он сразу заговорил:

– Шел-то я шестидесятым-то волоком, а кровь-то льется, а кровь-то льется, а трупы-то валяются!

Мама подумала, что он юродивый.

– Нет, я не того. Где пьют да курят, так я в те дома не захожу.

А отец у нас никогда не курил.

Потом, раз он так ответил ей, мама и говорит ему:

– Ты куда идешь?

– А вот меня отпустили на три дня. Так я в Нюрюг-то заходил сейчас, в церковь-то, и теперь мой путь лежит в Михайловцу, в Спасское и Старо-Шангское, в Zubовскую церковь и в свой-то храм найду в Шанге-то. Из нашего-то храма все ушли - и Богоматерь ушла. Один святитель Николай остался. И святитель Николай-то уйдет, когда в храме сделают тюрьму и баню. А через три года он первый придет в храм-от.

Мама опять подумала, что он не в себе. Раз говорит неладно.

– Ты меня вспомнишь, когда придешь в храм-от и увидишь: на престоле-то навалено, и стены-то все будут калом обмазаны.

Пошел дождик. Мама и говорит ему:

– Дедушко, иди в избу, а то тебя вымочит.

– Мне нельзя к тебе в избу заходить, иначе тебя увезут. С кем ребятишки-то останутся? Мне идти надо.

Тут прибежал соседский мальчишка. Увидел, что разговаривают с незнакомцем, и прибежал. Тогда ведь за каждым словом везде следили. Мама и говорит:

– Ребята, проводите дедушку тропкой!

Мы жили на берегу лога. По эту сторону лога были огороды. Раньше ведь не тыны были, а огороды только. Сразу за логом две бани стояли соседские

Мать Марии Ивановны -
Екатерина Ефимовна Панкова

одна за другой. От этих бань наискосок к Логовскому на выход к речке тропка была. Речка текла среди огородов и выходила на поле: там мостик был; ездили по нему.

Ребята побежали его провожать, перелезли через огород. Идут, и дедушка идет по тропке с ними. А следующая баня была Швецова Федора. Она стояла подальше: раньше бани близко не ставили, потому что лен в них сушили, и бани часто горели.

Стали подходить к этой бане, и дедушки не стало. Побегали-побегали – в кустах дедушки нет. Там уж кусты выросли: огороды обрезали, земля стала пустовать, пошел лес.

В кустах дедушки нет; в баню зашли – в бане дедушки нет. Прибежали и говорят:

– Мама, дедушко куда-то исчез! Мы стали подходить к бане дяди Федора, и его не стало. И в бане его нет, и на потолке нет. Мы везде лазили и в кустах искали, и нигде дедушки нет.

(Продолжение следует)

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».

(Ис. 40: 1-2)

«Народ - венец земного цвета
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного - и нам».

А. Блок.

ЖИВОЕ СЛОВО

Алексей Варламов

ТАИНСТВО

Боже мой, сколько народу», — подумал священник, выходя вслед за дьяконом, несущим причастную Чашу, из алтаря и оглядывая скопление людских голов. Половина стояла, разинув рты, другие кланялись, крестились на открывшиеся Царские Врата, и во всем храме висел, подрагивая, легкий гул, отчего-то неприятно напоминавший ожидание театрального спектакля.

— Со стра-ахом Бо-ожим и ве-ерою приступите! — прогудел дьякон, передавая священнику потир, и народ мигом умолк, точно действие началось. Запел неправдоподобно, концертно громко хор, и когда пение окончилось, священник начал монотонно произносить:

— Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси... За несколько лет службы в храме у него выработалась привычка: произнося молитву, он отключался, думал о чем-то своем и говорил нужные слова почти машинально.

— ...яко сие есть пречистое Тело Твое и сия есть самая честная Кровь Твоя...

Он чувствовал себя очень усталым: позади был Великий пост, Страстная седмица, с ее долгими службами, утомительным чтением покаянных канонов и Ветхого Завета, коленопреклоненными молитвами, и теперь в Великую субботу накануне Пасхи к этой усталости примешивалось другое ощущение, что пост в который раз прошел для него зря, и к празднику он внутренне не готов.

— ...и сподоби мя неосужденно причаститься пречистых Твоих Таинств...

Он кончил, наконец, читать молитву, и его рассеянный взгляд сосредоточился на лицах.

— Сейчас вы будете причащаться, — сказал священник негромко, но отчетливо. — К Чаше подходят только те, кто исповедовался, утром ничего не ел, не пил и не курил. Подходя к причастию, не толкайтесь, называйте громко свои имена, креститься не надо — вы можете случайно задеть Чашу.

Первое время ему было очень неловко го-

ворить изо дня в день эти очевидные вещи, но очень скоро он убедился, что многие из прихожан, если только можно было назвать прихожанами этих людей, были настолько необразованны, что не знали самого простого, не понимали, зачем они причащаются и что это означает, и к причастию шли лишь оттого, что так было принято. В глубине души он немного презирал этих суеверных, подострастных женщин, непомерно толстых, самоуверенных, похожих на рыночных торговцев, которые выстроились к нему в бесформенную очередь и как в очереди подталкивали друг друга, опасаясь, что им не хватит. Священник глядел на них с амвона и с тоской думал о том, что хорошо бы ему было служить не в этой церкви в неуютном новом микрорайоне, а в приличном месте — на Ордынке, в Обьденской, или на Неждановой, где собирается интеллигенция и куда он сам бегал, будучи студентом.

— Причащается раба Божия... Имя?

— Анна, — торопливо сказала старуха в белом платке, из тех, что всегда норовят успеть первыми и всех задерживают. «Как же они бестолковы!»

— Раба Божия Анна во исцеление души и тела. Причащается раба Божия Ольга, раба Божия Наталья...

Они подходили к Чаше одна за другой, сложив крестообразно руки на груди, открывали рты, и священник опускал ложечку со Святыми Дарами, но мысленно был по-прежнему где-то далеко.

Священником он стал случайно. Излюбопытства или же из стремления как-то утвердиться, казаться самому себе интересными быть не похожим на других, еще учась в университете, начал ходить в храм, увлекся религиозными философами, но менее всего думал, что он, выросший в благополучной интеллигентной семье, не атеистической и не религиозной, станет попом. По окончании университета попал в редакцию, но там было тоскливо, он чувствовал, что способен на большее, чем проверять цитаты к чужим статьям и составлять никому не нужные аннотации. Самостоятельной же работы не было и не предвиделось, и самым близким друзьям стал он толковать о нише, укромном месте, куда можно забиться и заниматься своими делами, читать хорошие книги, пописывать что-нибудь самому и не видеть этой мерзости — собраний, субботников, профсоюзных, общественной работы. Но дальше разговоров не шло и никогда бы не пошло, если бы совершенно случайно он не по-

знакомился с человеком, работавшим в издательском отделе патриархии, который и предложил ему перейти к ним.

Он долго колебался, понимая, что согласиться значит сжечь все мосты и лишиться всякой надежды на обыкновенную карьеру, но в конце концов убедил себя, что иначе задохнется, так больше жить нельзя, и ушел в издательский отдел. А там его ждала другая карьера: закончил экстерном семинарию и через некоторое время был рукоположен в сан.

Поначалу этот крутой жизненный перелом очень возвысил его в собственных глазах и в глазах его друзей, но очень скоро новое поприще его разочаровало. Здесь было совсем не то, о чем он мечтал — а мечтал он о благолепии, покое, святости. Здесь шлелись те же, но еще более тонкие интриги, еще больше требовалось умение ладить с начальством, и он чувствовал себя гораздо менее защищенным, чем прежде, потому что, смешно сказать, здесь не было обрыдших, но, оказывающих, нужных мостков, дававших мало-мальскую уверенность, что завтра тебя не переведут в другое место. С людьми в этом мире поступали безжалостно и круто, хорошо зная, что уходить отсюда некуда и все они тут заложники. Так во всяком случае виделось это ему, и мечтавший освободиться от условностей и чинопочитания, почувствовать себя вольным человеком, он оказался еще более повязанным, чем прежде. И ему только и оставалось почитать мстительно сочинения графа Толстого и лесковские «Мелочи архиерейской жизни» и подумывать о том, что он также когда-нибудь соберется и опишет их нравы.

Рядом с ним стоял дьякон — невысокого роста плотный мужчина с надменным лицом и гладко зачесанными, блестящими от масла волосами. Дьякона священник звал про себя солдафоном за властный и грубый характер. При дряхлом настоятеле, проводившем большую часть времени в болезнях, дьякон ощущал себя в храме хозяином, он прекрасно ладил с церковным старостой, все перед ним заискивали, и священнику постоянно казалось, что дьякон, сговорившись с двадцаткой, замышляет что-то недоброе. Если бы не этот страх, священник, может быть, и попытался бы как-нибудь себя проявить, читал бы проповеди и на эти проповеди собирались бы приличные люди — все ж он был умным человеком и имел университетское образование, — но он постоянно ловил на себе этот презрительный взгляд дьячка — взгляд люмпена на интелли-

гента: выскочить хочешь? — И ступевывался. Что стоило тому же дьякону написать жалобу, и никто и разбираться бы не стал, его мигом бы перевели, ни о чем не спрашивая, куда-нибудь в Коломну.

Очередь к чаше не убывала, люди все шли и шли, торопясь причаститься перед Пасхой.

— Причащается раба Божия Ксения, причащается раба Божия Людмила, раба Божия Ирина... Любовь, Михаил, Софья, Анна, Андрей, Катерина...

Иных он знал в лицо, иных видел впервые, но ему казалось, что все эти Анны, Любви, Надежды разевают рты с таким видом, будто здесь не совершается величайшее таинство православной веры, а им просто кладут в рот лекарство. Причастившись же, они отходили к своим кошелкам с куличами и крашеными яйцами и ждали одного: скорей бы служба закончилась, он побрызгал бы на их кулинарию святой водичкой, и они тогда пойдут по домам, упиваясь собственной святостью и высокомерно глядя на окружающий мир, погрязший в грехах.

«Несчастливая страна, даже здесь ничего не осталось, верно, сам Господь тебя покинул, и значит, действительно никакого таинства нет, все мертво — наша вера, наша жизнь, наши души, а хлеб в чаше так и остается хлебом и вино — вином. Мы просто соблюдаем никому не нужные приличия...» И даже у него самого нет свободы, иначе, видит Бог, он бы давно перестал играть в эти игры, плюнул бы на все и уехал куда-нибудь на Алтай, где чисто, зелено и никто тебя не трогает.

— Раба Божия Антонина во исцеление души и тела, раба Божия Таня, раба Божия...

В этот момент случилась небольшая заминка. К Чаше подходила женщина лет пятидесяти, которую священник видел впервые. Она смотрела на Чашу расширенными глазами, что-то шептали ее губы, а в руках у нее была сумка, и тут дьякон, любивший во всем порядок, прогремел ей прямо в ухо:

— Руки, руки, где у тебя?

Она вздрогнула, точно ее ударили, хлебнула ртом воздух и стала беспомощно взмахивать руками.

— Да не так, — сказал дьякон с досадой, — левую сначала, а потом правую. Что ж ты, мать, дожидая до седина, а как к Чаше подойти, не знаешь?

Женщина попыталась сложить руки, как он сказал, но мешала сумка.

— Куда с сумкой-то приперлась? Оставь что ли нельзя было? Боишься, украдут?

«А могли бы и украсть» — равнодушно подумал священник, глядя, как дьякон воюет с женщиной, — случай такой уже был. Милиция приходила. Тут все может быть».

— Да поставь ты ее. Так. Одну руку сюда, другую сюда. Ну? Имя?

— А? а? — бессмысленно раззевая рот, произносила женщина, ее всю трясло.

— Зовут тебя как?

— Нн..., нн...

— Наталья?

— Нн..., — замотала она головой.

— Тьфу ты, — едва не чертыхнулся дьякон надо ж, имя свое забыла. Тетка, ты хоть, где находишься, помнишь? Ну давай, давай, бери свою кошелку и ступай. В другой раз приходи. Следующая.

— Анастасия.

— Причащается раба Божия Анастасия, — автоматически сказал священник, но глаза его следили за незадачливой женщиной, пробиравшейся к выходу. Ее толкали люди, а она совсем потерялась и пошла не в тот узкий проход, по которому шли причастники, а вломилась в самую толпу и до священника долетало:

— Божинька, Божинька, что делать-то? Грех-то какой, Божинька.

— Да куда ж ты прешь, а?

— Божинька, как же я теперь буду?

— Ступайте, женщина, ступайте.

Она дошла наконец до выхода, исчезла за дверью, и тут священника точно что-то толкнуло, и на мгновение все открылось ему, полоснуло по глазам резким светом. Он снова увидел перед собой ту женщину, ее бескровное лицо, молящие глаза, крупные натруженные руки, сжимающие сумку, и с этим всю ее жизнь — непосильную, замордованную, в которой не было времени, чтобы остановиться и себя вспомнить — голод, нужда, война, снова голод так изо дня в день, только одно воспоминание, как в детстве мать перед Пасхой к причастию водела, как яйца красили, как кулич пекли, как боязно было, когда батюшка на исповеди широким черным рукавом голлову покрывал. И вот теперь мужа схоронив, вспомнила она и пошла в храм, страшно было после стольких-то лет, но услышала в себе этот робкий нежный зов — «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные» — и пришла к таинству, к Телу и Крове Христовой, только вот как руки правильно сложить позабыла...

«Господи, что же я наделала?» — мелькнуло в голове. Он замер, замерла его рука, в которой была Чаша, и другая, с ложечкой, тоже замерла, на него удивленно посмотрел дьякон, блестя масляными волосами, а священник уже тронулся с места и вломился в толпу людей, через которую только что пробиравась женщина. Народ тотчас же расступился, пропуская его. Он шел среди притихших людей, очень высокий, в фелони, ему кланялись, прикладывались к руке, и ему казалось, что он идет очень долго, но вот наконец он вышел и оказался с Чашей в руках на улице.

Сразу же за церковной оградой начинался бульвар и с ним другой мир. Был хороший

апрельский день, мужчины и женщины в ярких куртках сгребали и жгли прошлогодние листья, выгуливали малышей мамыши, из магазина люди несли сетки с мятой картошкой и ранним дорогим перцем, играла по случаю субботника веселая музыка, черед голье деревья и ограду храма летела весенняя пыль, и священник не сразу разглядел женщину в толпе.

Он пошел за нею и хотел было окликнуть, но не знал, как позвать, и тогда просто обогнал ее.

— А, батюшка, — заплакала она, увидев его перед собой, — простите, батюшка.

Вокруг собрались праздные прохожие, мальчишки на велосипедах, какие-то молодые люди в спортивных костюмах, и все смотрели с недоумением на высокого молодого попа и полную женщину с сумкой в руках. Тогда священник, судорожно сглотнув, глядя прямо в глаза женщине, стал говорить:

— Причащается раба Божия...

— Мария, — еле слышно вымолвила та, и на глазах у нее снова появились слезы.

— Мария, — как эхо отозвался священник. — Честнаго и Животворящего Тела и Крове Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во оставление грехов ея и в жизнь вечную. Аминь.

— Она поцеловала край Чаши, и когда подняла голову, то священник вздрогнул, увидев это преобразившееся, счастливое лицо, и неожиданно для самого себя тихо сказал:

— Молись за меня грешного, Мария.

И на мгновение все поплыло у него перед глазами, странным и нереальным показался этот мир, столпившийся вокруг него люди с граблями и лопатами, он молчал, и они тоже молча глядели на него, точно чего-то ожидая, но священник повернулся и пошел обратно. Он чувствовал в душе необычайное какое-то волнение и, может быть, поэтому совсем не замечал тех взглядов, которые искоса бросали на него дьякон и церковный староста — представительный мужчина в черном костюме и галстуке.

«Светская культура способна быть носителем благовестия».
(Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, XIV. 2)

«... рассматривая лишь часть русской литературы, мы можем заключить, что русская литература учит русских быть русскими, что она фактически имеет для нас священный характер».

Ю. Мамлеев.

ДРАГОЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ

Борис Слуцкий

Интеллигенция была моим народом,
была моей, какой бы ни была,
а также классом, племенем и родом –
избой! Четыре все ее угла.

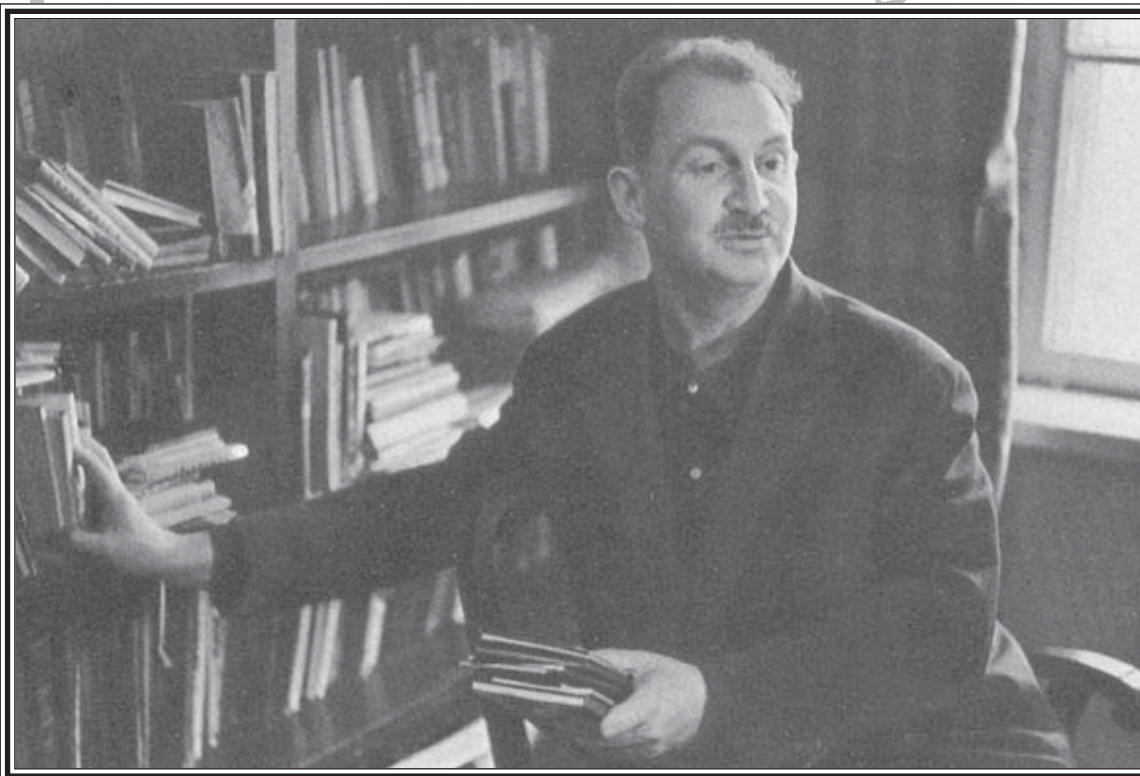
Я радостно читал и конспектировал,
я верил больше сложным, чем простым,
я каждый свой поступок корректировал
Львом чувства – Николаичем Толстым.

Работа чтения и труд писания
была святей Священного Писания,
а день, когда я книги не прочел,
как тень от дыма, попусту прошел.

Я чтит усилъя токаря и пекаря,
шлифующих металл и минерал,
но уровень свободы измерял
зарплатою библиотекаря.

Те земли для поэта хороши,
где – пусть экономически нелепо –
но книги продаются за гроши,
дешевле табака и хлеба.

А если я в разоре и распыле
не сник, а в подлинную правду вник,
я эту правду вычитал из книг:
и, видно, книги правильные были!

Как у древних философов
и малых детей –
никаких средостений!
Стекло же – прозрачно и тонко.
Просто смотришь и всё –
безо всяких затей –
сплошностью мудреца и ребенка.

Со внимательным тцаньем
ребенка или мудреца,
так же точно, как мудрецы или дети,
понимаешь – с начала и до конца –
все на свете, все на свете.
Все на свете.

Останусь со слабыми мира сего,
А сильные мира сего -
Пускай им будет тепло и сытно,
Этим самым сильным.

Со слабыми мира сего пропущу
И с добрыми мира.
А злые мира сего, решу
сказать,
мне вовсе не милы.

Я выпишусь. Я снимусь с учета,
С того, где я между сильных учтен.
Я вычеркну в ихней книге почта
Имя мое среди ихних имен.

У слабых мира сего глаза
Никого не хотят сверлить.
А сильные мира сего - лоза,
Всегда готовая гнуться и бить.

В графе «преступление» – епископ.
В графе «преступление» – поп.
И вся – многотысячным списком –
профессия в лагерь идет.

За муки, за эти стигматы,
религия, снова живи.
И снова святые все святые.
Все Спасы – опять – на крови.

Что Ты значил, Господи,
в длинной моей судьбе?
Я Тебе не молился –
взмаливался Тебе.
Я не бил поклоны, –
не обидишься, знал.
Все-таки безусловно -
изредка вспоминал.

В самый темный угол
меж фетишей и пугал
я Тебя поместил.
Господи, Ты простил?

Ты прощай мне, Господи:
слаб я, глуп, наг.
Ты обещаешь мне, Господи,
не лишать меня благ:
черного теплого хлеба
с желтым маслом на нем
и голубого неба
с солнечным огнем.

Романы из школьной программы,
На ваших страницах гощу.
Я все лагеря и погромы
За эти романы прощу.

Не курский, не псковский, не тульский,
Не лезущий в вашу родню,
Ваш пламень - неяркий и тусклый -
Я все-таки в сердце храню.

Не молью побитая совесть,
А Пушкина твердая повесть
И Чехова честный рассказ
Меня удержали не раз.

А если я струсил и сдался,
А если пошел на обман,
Я, значит, некрепко держался
За старый и добрый роман.

Вы родина самым безродным,
Вы самым бездомным нора,
И вашим листкам благородным
Кричу троекратно «ура!».

С пролога и до эпилога
Вы мне и нора и берлога,
И, кроме старинных томов,
Иных мне не надо домов.

Все правила – неправильны,
законы – незаконны,
пока в стихи не вправлены
и в ямбы – не закованы.

Период станет эрой,
столетье – веком будет,
когда его поэмой
прославят и рассудят.

Пока на лист не ляжет
«Добро!» поэта,
пока поэт не скажет,
что он – за это,

до этих пор – не кончен спор.

Когда Е.Евтушенко в статье предназначенной для «Дня поэзии-86», написал, что «Слуцкий был одним из великих поэтов нашего времени», в редколлегии альманаха, по свидетельству его редактора А.Преловского, наступило замешательство: формула эта показалась неожиданной, непривычной и неверной. Эта смущенность понятна. Как-то трудно, непросто взять и выговорить без обиняков: Борис Слуцкий – великий поэт. Он действительно казался «одним из»: одним из поэтов военного поколения, одним из бурной кучки поэтов, ворвавшейся в литературную и общественную жизнь страны в середине 60-х годов и чуть позже, а когда прошли годы и десятилетия, стал одним из признанных мастеров стиха, учителей (любил это дело, постоянно вел какие-либо студии, семинары, кружки, читал тьму-тьму поэтических и иных рукописей, откликался на письма и стихи молодых собратьев, помогал публиковаться, писал рецензии на первые книги).

Читатель и критика – и та, что недружелюбно встретила его первые стихи и книги, и та, что приняла его поэтику и признала его талант, – отмечали то новое и необычное, что оказалось в его стихах, в их форме: небывалая степень прозаизации, отсутствие привычного благозвучия, – и содержания: изображение войны как тяжелого, изматывающего и смертельного труда, суровый и, на удивление, непатетичный пафос. Тем не менее, резко выделить Слуцкого ни из возрастной, ни из поэтической генерации, с которыми он входил в жизнь и в литературу, не решился никто. Разве лишь К.Симонов незадолго до смерти, в одной из своих последних работ – предисловии к «Избранному» Слуцкого, – сказал: «Борис Слуцкий с годами стал самой прочной моей любовью» (впрочем, и здесь наибольшее внимание Симонов отдал военным стихам поэта, сказав о Слуцком, что он «знал о войне зачастую больше нас, много и глубоко думал о ней и видел ее по-своему, зорко и пронзительно»).

Так что когда Слуцкий заявлял о себе что-нибудь вроде: «Я, как писатель, – средний», – охотников возражать не находилось, все молчаливо соглашались.

Впрочем, кроме этой общей формулы, существовали и более конкретные «самоопределения». Например, это:

На все веселье поэзии нашей,
на звон, на гром, на сложность, на блеск
нужен простой, как ячная каша,
нужен один, чтоб звону без.
И я занимаю это место.

«Великие поэты – это не те, которые пишут самые лучшие стихи. Совмещать это может (Пушкин, например), но не обязательно.

Великий поэт – это тот, кто шире всех постиг «образ и давление времени» (как говорил Шекспир). Для русского двадцатого века это Блок – как для девятнадцатого Пушкин, – и никто другой в такой мере... Он замыкает собой ряд русских писателей, которые отвечали на все и за все – Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов...»

«Отвечать на все и за все» было главным в жизненной и творческой позиции Бориса Слуцкого. И с Блоком при всей их разительной несхожести, при том, что Слуцкий однажды назвал «Стихи о Прекрасной Даме» одной из самых противоположенных ему книг мировой поэзии, их многое и важное связывает.

Поэт растет не как дерево,
поэт растет как лес,
выдерживает порубку
и зеленеет снова,
поскольку оно без плоти,
поскольку без телес
наше вечнозеленое слово.

Поэт выдерживает даже забвение,
даже всеобщее молчанье.

Слово его еще увереннее,
когда оно отчаяннее.

Когда ты в расчете с самим собой
и расплатился с собой до рубля –
стой неизменно, как собор,
под которым вся земля.
Стойко стой, ничуть не горбясь,
не шатаясь на ветру.
Смело стой, как стрелковый корпус,
вся страна за которым в тылу.

КАК ФИЛОСОФ ИЛИ РЕБЕНОК

Ничего нет значительнее
взгляда в окно,
если это вагона окно –
тем более,
и до боли,
чувствительнее, чем до боли,
осмысляешь впервые
увиденное давно.

«Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное».

(Матф. 19:14)

«О детство! Ковш душевной глубин!»

Б. Пастернак

СВЕЧЕЧКА

С мамой или с ребятами?

Около нашей дачи был огромный участок, отгороженный забором от тихой лесистой просеки. Мы, дети, целыми днями бегали по участку среди елок и кустов, играли, валялись в травке

был добрый и не протестовал.

Ребятишки восторженно уселись, каждый хотел взять в руки вожжи, все спорили и шумели.

– А куда мы поедим? – спросила я. – А когда вернемся? – В соседнее село, Серково, а вернемся часа через два, прибежим назад

было в этот день надето мною в первый раз. Его только что сшила мне моя милая мамочка.

– Сидела б смиренно, а вот тебе! – смеялись мои братишки. Огорченная, не оглядываясь назад, бежала я домой. А вслед мне неслись крики:

– Не ходи, не спрашивай, а то нас не пустят! Я влетела в кухню, где мама готовила обед.

– Мама, милая, прости, я порвала новое платье, запачкала чем-то черным и липким. Я за телегу зацепилась. Мы все хотели прокатиться, а я поспешила

и оглашали окрестность звонкими головами. Нас было семеро. Мама и хозяйка дачи были за нас спокойны, они знали, что мы никуда не денемся. Иногда нам разрешалось выходить на просеку, там мы играли в городки, волейбол или носились до упаду в «салки мячом».

Однажды к соседнему дому подъехала лошадь, запряженная в телегу, на которой привезли мешки с кормом для скотины. Пока хозяева сгружали поклажу, уносили куда-то далеко мешки, мы взобрались на телегу, мечтая на ней прокатиться. Хозяин лошади

пешком, – ответили дочки хозяев. – А если нас хватятся, будут искать? – не унималась я. – Надо предупредить маму, чтобы она не беспокоилась.

– Ну, вот еще выдумала! Пожалуй, еще не отпустят! Да они и не заметят нашего отсутствия! – закричали ребята.

– Нет, надо спросить разрешение, – спорила я. – Быстро сбегаю домой и скоро вернусь...

– Ждать тебя не будем, уедем, – неслось мне в ответ. Однако я стала слезать с телеги, зацепилась подолом и измазалась колесной грязью. Рванулась вперед и вырвала целый клочок из подола.

Белое пышное платьице с голубыми цветами

слезть, чтобы предупредить тебя, – сквозь слезы докладывала я.

Мама выглянула в окно, за которым уже гроыхала телега. Послышались восторженные крики детей.

– Укатили! Ну, спасибо тебе, доченька, что прибежала ко мне, – утешала меня мама, целуя. – Не плачь! У меня ведь есть кусочки материала, я зашью платьице. Пойди, переоденься, дорогая моя.

Я умылась и обняла мамочку. «Какая у меня добрая мама! А я еще ведь колебалась, идти ли мне ее предупредить, чтобы она не беспокоилась о нас», – думала я.

Н. Соколова

Миг, только миг...

Внук, которого я когда-то учил ходить, незаметно вырос. Вытянулся, стал выше меня, но не хочет учиться ходить пред Богом. Скажешь ему что-нибудь, а он гордо отвечает: – Ладно, разберемся. Он с собой на «вы».

Вечерами внук часто гулял с товарищами. Мы с бабушкой никогда не отпускали его без благословения, которое он снисходительно принимал. Вообще-то он неразговорчив, но однажды вернулся взволнованный и рассказал такую историю.

Дом был уже недалеко. Улица пустынная: ни людей, ни машин. Осталось только перейти трамвайные пути – и вот он, родной двор. И вдруг – ба-бах! Перед самым его носом упала бутылка, брошенная каким-то пьяным с четвертого этажа, и разбилась вдребезги! Еще немного – и она угодила бы ему в голову.

Миг... Всего миг отделял его от гибели, всего полшага... Внук огляделся. Наверху продолжали пировать. Вокруг – никого. Кто помог бы ему? Да и можно ли было помочь? Но кто-то дал парню этот спасительный миг.

Теперь, перед тем, как выйти из дома, он говорит как бы невзначай:

– Ну, я пошел! Это значит: благословите, бабушка и дедушка. И стоит пряменько. Уже на «вы» с благословением.

Выучим наизусть

Воскресенье

Мы с сестренкою вдвоем
В воскресенье в храм пойдем.
Помолюсь я в храме
О сестре и маме.

И о папе помолюсь,
До земли я поклонюсь,
«Помоги нам, Боже!» –
И Господь поможет.

Татьяна Шорохова

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ В НИКОЛЬСКОМ ХРАМЕ

в 17 часов

проводятся
беседы
на Евангельские
темы
для всех
желающих.

Приглашаем посе- тить православную библиотеку.

Мы работаем:

В будние дни - с 9 до 17
В воскресенье - с 11 до 17.
Наш адрес: г. Шарья,
ул. Октябрьская, 33 (рядом с автобусной остановкой «Центр»).

Для записи просим иметь при себе паспорт, а детям - поручение родителей, образец которого можно взять в библиотеке.

Для желающих принять таинство Крещения

проводятся беседы со священником по субботам в 15 часов в городе Шарье - в здании православной библиотеки на втором этаже;

В селе Николо-Шанга - в Никольском храме.
В случае Крещения ребенка приглашаются родители и крестные.

В ХРАМЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ г. Шарья

МАРТ

1 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Вселенская родительская суббота. Всенощное бдение.
– 16ч.	
2 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Неделя о Страшном Суде.
– 15ч.30м.	Акафист иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша».
5 СР – 16ч.	Вечерня. Утреня.
6 ЧТ – 8ч.30м.	Божественная Литургия.
7 ПТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.
8 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Всех преподобных отцов.
– 16ч.	Всенощное бдение.
9 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Прощенное воскресенье.
– 15ч.30м.	Вечерня. Чин прощения.
10 ПН – 7ч.30м.	Утреня. Часы. Изобразительны. Вечерня.
– 16ч.30м.	Чтение покаянного канона прп. Андрея Критского.
11 ВТ – 7ч.30м.	Утреня. Часы. Изобразительны. Вечерня.
– 16ч.30м.	Чтение покаянного канона прп. Андрея Критского.
12 СР – 7ч.30м.	Утреня. Часы. Литургия Пржедоосвященных Даров.
– 16ч.30м.	Чтение покаянного канона прп. Андрея Критского.
13 ЧТ – 7ч.30м.	Утреня. Часы. Изобразительны. Вечерня.
– 16ч.30м.	Чтение покаянного канона прп. Андрея Критского.
14 ПТ – 7ч.30м.	Утреня. Часы. Литургия Пржедоосвященных Даров.
– 16ч.	Общая Исповедь. Утреня.
15 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Вмч. Феодора Тирона.
– 16ч.	Исповедь. Всенощное бдение.
16 ВС – 7ч.30м.	Исповедь. 8ч.30м. Божественная Литургия. Торжество Православия.
– 15ч.30м.	Вечерня. Чтение Евангелия от Матфея о страданиях Христовых.
18 ВТ – 16ч.	Утреня с 1-ым часом.
19 СР – 7ч.30м.	Часы. Литургия Пржедоосвященных Даров.
21 ПТ – 16ч.	Утреня.
22 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. 40 мучеников в Севастийском озере мучившихся.
– 16ч.	Исповедь. Всенощное бдение.
23 ВС – 7ч.30м.	Исповедь.
– 8ч.30м.	Божественная Литургия. Свт. Григория Паламы.
– 15ч.30м.	Вечерня. Чтение Евангелия от Марка о страданиях Христовых.
26 СР – 16ч.	Утреня с 1-ым часом.
27 ЧТ – 7ч.30м.	Часы. Литургия Пржедоосвященных Даров. Феодоровской иконы Божией Матери.
28 ПТ – 16ч.	Утреня.
29 СБ – 8ч.30м.	Заупокойная Божественная Литургия. Родительская суббота.
– 16ч.	Исповедь. Всенощное бдение с выносом Креста.
30 ВС – 7ч.30м.	Исповедь. 8ч.30м. Божественная Литургия. Крестопоклонная.
– 15ч.30м.	Вечерня. Чтение Евангелия от Луки о страданиях Христовых.

Внимание!

В газете используется Православная символика!

В связи с этим убедительная просьба не использовать ее в хозяйственных целях.

ФЕВРАЛЬ

14 ПТ – 16ч.	Всенощное бдение с литией.
15 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Сретение Господне.
– 16ч.	Всенощное бдение.
16 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Неделя о мытаре и фарисее.
– 15ч.30м.	Акафист иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша».
18 ВТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.
19 СР – 8ч.30м.	Божественная Литургия.
21 ПТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.
22 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Свт. Иннокентия.
– 16ч.	Всенощное бдение.
23 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Неделя о блудном сыне.
– 15ч.30м.	Акафист иконе Божией Матери «Неупиваемая Чаша».
24 ПН – 16ч.	Вечерня. Утреня с полиелеем.
25 ВТ – 8ч.30м.	Божественная Литургия Иверской иконы Божией Матери.
28 ПТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.

ВЕСТИ ИЗ ПРИХОДОВ

Сретенский храм п. Вохма отметил 11-ю годовщину со дня возрождения. Свой престольный праздник прихожане встретили с новым настоятелем, о. Виктором Васильковым, который назначен на приход с 20 января.

В радостный для богохранимой Вохмы день храм получил подарок: Вохомский филиал Костромского музея — заповедника передал храму безвозмездно находившиеся во временном пользовании иконы.

Полным ходом идет сбор средств для восстановления церковного иконостаса. В ближайших планах строительство небольшой деревянной колоколенки.

Редколлегия газеты поздравляет настоятеля и прихожан Сретенского храма п. Вохма с престольным праздником и желает им благоденственного и мирного жития на многие лета.

В ЦЕРКОВНЫЙ ХОР

Никольского храма города Шарья требуются мужские голоса.

Приглашаются мужчины, имеющие музыкальное образование или хорошие музыкальные способности. По всем вопросам обращаться к настоятелю храма.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Священник Димитрий Степанов.
Священник Вячеслав Королев.
В. Овчинников
М. Баклушин
О. Степанова

Редактор ШЕВЕЛЕВА Нина Александровна

Православная газета города Шарья, Костромской области

НАШ АДРЕС:

Адрес редакции: Шарья, ул. П. Морозова, 6, приход Святителя Николая. Ждем отзывов и пожеланий читателей. Тел. 2-18-53.

Печать офсетная. Отпечатано в Шарьинской типографии. г. Шарья, ул. Ленина, 128.

Заказ 3502. Тираж 999.
Объем 1 печатный лист. Время подписания в печать 17.00 Подписано в печать в 13.00.